

ПОВСЕДНЕВНЫЕ СТРЕССОРЫ И АФФЕКТЫ КАК ПРЕДИКТОРЫ ОБЩЕЙ ДИСКРИМИНАЦИОННОЙ УСТАНОВКИ

ШАМИОНОВ Р.М.

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (ФГБОУ ВО СГУ), г. Саратов, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8358-597X>, e-mail: shamionov@mail.ru

АБУТАЛИПОВА В.К.

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (ФГБОУ ВО СГУ), г. Саратов, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-2023-3324>, e-mail: ganeevat@yahoo.com

ГРИГОРЬЕВА М.В.

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (ФГБОУ ВО СГУ), г. Саратов, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2541-2186>, e-mail: grigoryevamv@mail.ru

Происходящие в обществе процессы требуют усиления взаимодействия людей, принадлежащих к различным социальным группам. Однако нередки случаи проявлений предрассудков, предубеждений, включающих лунизм, сексизм, эйджизм, ксенофобии и другие виды дискриминационных установок, подрывающих продуктивные взаимодействия на разных уровнях. Повседневные стрессоры могут выступать пусковым механизмом дискриминационного поведения в отношении представителей аут-групп. Цель данного исследования — анализ повседневных стрессоров и социальных фрустраторов как предикторов общей дискриминационной установки. Гипотеза: стрессоры и аффекты являются более сильными предикторами эмоционального и поведенческого компонентов дискриминационных установок. В исследовании приняли участие 700 человек обоего пола (мужчин — 322 (46%), женщин — 376 (54%) в возрасте $M=22,43$, $SD=8,23$. Использованы: методика компонентов общей дискриминационной установки (Р.М. Шамионов, В.К. Абуталипова, 2024), «Опросник повседневных стрессоров» (М.Д. Петраш, О.Ю. Стрижицкая, Л.А. Головей, С.С. Савеньшева), опросник «Уровень социальной фрустрации», (Л.И. Вассерман, Б.В. Иовлев, М.А. Берebin). В результате регрессионного анализа установлено, что от 5 до 17% дисперсии компонентов дискриминационной установки обусловлены стрессорами и от 4 до 15% — аффектами. Общим предиктором всех компонентов дискриминационной установки является стрессор «напряженные и конфликтные взаимоотношения». Негативные аффекты являются безусловными предикторами эмоционального и поведенческого компонентов дискриминационной установки.

Ключевые слова: повседневные стрессоры, дискриминационная установка, фрустраторы, аффект, аутгруппа, ин-группа.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00529, <https://rscf.ru/project/24-28-00529/>.

Для цитаты: Шамионов Р.М., Абуталипова В.К., Григорьева М.В. Повседневные стрессоры и аффекты как предикторы общей дискриминационной установки // Экспериментальная психология. 2024. Том 17. № 4. С. 168—181. DOI: <https://doi.org/10.17759/exppsy.2024170411>

EVERYDAY STRESSORS AND AFFECTS AS PREDICTORS OF A GENERAL DISCRIMINATORY ATTITUDE

RAIL M. SHAMIONOV

Saratov State University, Saratov, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8358-597X>, e-mail: shamionov@mail.ru

VENERA K. ABUTALIPOVA

Saratov State University, Saratov, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-2023-3324>, e-mail: ganeevav@yahoo.com

MARINA V. GRIGORYEVA

Saratov State University, Saratov, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2541-2186>, e-mail: grigoryevamv@mail.ru

The processes taking place in society require strengthening the interaction of people belonging to different social groups. However, there are frequent cases of manifestations of prejudice, including sexism, ageism, xenophobia and other types of discriminatory attitudes that undermine productive interactions at different levels. Everyday stressors can act as a trigger for discriminatory behavior towards representatives of out-groups. The purpose of this study is to analyze everyday stressors and social frustrators as predictors of a general discriminatory attitude. Hypothesis – stressors and affects are stronger predictors of the emotional and behavioral components of discriminatory attitudes. The study involved 700 people of both sexes (men – 322 (46%), women – 376 (54%) aged $M=22.43$ $SD=8.23$. The method of components of a general discriminatory attitude was used (R.M. Shamionov, V.K. Abutalipova, 2024), a questionnaire of everyday stressors (M.D. Petrash, O.Yu. Strizhitskaya, L.A. Golovey, S.S. Saveynysheva), a questionnaire on the level of social frustration, developed by (L.I. Wasserman, B.V. Iovlev, M.A. Berebin). Results. As a result of regression analysis, it was found that from 5 to 17% of the variance of the components of the discriminatory attitude is due to stressors and from 4 to 15% to affects. A common predictor of all components of a discriminatory attitude is the stressor “tense and conflicted relationships”. Negative affects are unconditional predictors of the emotional and behavioral components of a discriminatory attitude.

Keywords: everyday stressors, discriminatory attitude, frustrators, affect, out-group, in-group.

Funding. Russian Science Foundation (RSF) № 24-28-00529, <https://rscf.ru/en/project/24-28-00529/>.

For citation: Shamionov R.M., Abutalipova V.K., Grigorieva M.V. Everyday Stressors and Affects as Predictors of a General Discriminatory Attitude. *Экспериментальная психология = Experimental Psychology (Russia)*, 2024. Vol. 17, no. 4, pp. 168–181. DOI: <https://doi.org/10.17759/exppsy.2024170411> (In Russ.).

Введение

Несмотря на увеличение разнообразия проявлений человека, обусловленных его принадлежностью к определенным социальным группам на основе различных параметров, таких как возраст, пол, болезнь, раса и пр., общество в целом не выработало эффективных механизмов борьбы с дискриминацией людей, отличающихся от условного большинства. Общая дискриминационная установка предполагает наличие представлений об отсутствии равенства и возможности накладывать ограничения и оказывать давление на представите-

лей аутгрупп. В отличие от установок в отношении мишеней дискриминации общая дискриминационная установка не является дифференцированной и отражает лишь ее наличие без указаний на ее объект. Несмотря на обилие мишеней дискриминации и порой их сильную дифференцированность, в современном мире различные виды дискриминации могут сопрягаться и образовывать множественную дискриминацию [7, с. 10–16]; кроме того, в связи с прогрессивным общественным развитием предубеждения выражаются более завуалированно [7, с. 11–12], неявно. Поэтому исследование с использованием такой переменной позволяет обходить прямое указание на группу или ее представителей и, соответственно, те морально-этические нормы, которые тормозят легализацию этих установок.

В социальной психологии распространены исследования влияния дискриминационных установок в отношении представителей ин-групп на их переживания «хронического напряжения» и стресса [2; 16; 20; 25]. Ожидание взаимодействия с партнером, имеющим явную дискриминационную установку (расовая или этническая предвзятость) связано с более сильным беспокойством до взаимодействия и более сильным стрессом после взаимодействия, что было установлено с помощью как опросных методов, так и объективной оценки сердечно-сосудистой стрессовой реакции [24]. В некоторых случаях (например ПТС) это не только становится основанием не только для стигматизации и самостигматизации, но и для отказа самого человека от социальной поддержки [13]. Однако имеются данные и о том, что неприятные события в жизни человека могут провоцировать негативные поведенческие реакции в отношении Других. Повседневные ситуации, воспринимаемые как стрессовые, в значительной степени определяют поведенческие реакции человека в силу того, что события могут восприниматься не только как нарушающие равновесие, но и как угрожающие [4]. Как известно, стресс — состояние психического напряжения, связанное с отсутствием готового ответа на актуальную ситуацию. А.О. Прохоров отмечает, что стрессоры действуют на личность не непосредственно, но через образ стрессора, воспринимаемый субъектом как опасный, угрожающий или неприятный [11, с. 423]. Действительно, множество повседневных ситуаций могут нести в себе стрессовую нагрузку и восприниматься как несущие в себе угрозу благополучию. Однако для того, чтобы переживаемые стрессоры были спроецированы на Другого, очевидно, необходимы дополнительные условия, например, социальные представления об аут-группах, стереотипы, а также наличие мишени в перцептивном поле субъекта (определяемого как представителя аутгруппы) — восприятие и оценка внешнего облика [7, с. 26] или каких-либо поведенческих его проявлений [14].

Имеется множество доказательств влияния повседневных стрессов на социальное поведение и, в частности, на социальное взаимодействие. Это может выражаться и в избегании социальных контактов [19], в проявлении раздражительности и даже враждебности к другим [23], в объединении представителей ин-группы в результате внешних стрессорных воздействий, а также просоциального поведения как способа совладания со стрессом [22]. Между тем эмоциональное отношение к представителям аутгрупп может стать основанием для формирования определенных установок [5].

Несмотря на, казалось бы, менее высокий уровень напряженности (в отличие, например, от хронического стресса или ПТСР), как показано ранее [4], они обладают кумулятивным свойством, образуя более весомые очаги напряжения. Общими эффектами для разных стрессовых состояний могут быть повышенная бдительность, мобилизация, раздражительность и др.

Исследование эффектов стресса на поведение студенческой молодежи [12] позволило установить наличие как аутоагрессивных тенденций, так и девиантного поведения, на-

правленного вовне. Еще более определенный результат получен в недавнем исследовании Санкт-Петербургских авторов [8], где показано, что стремление к конфликту у студентов обусловлено фактором «Паранойяльность» (переживаемый стресс, враждебность, раздражительность) и фактором «Агрессия» (негативизм, вербальная, косвенная, физическая агрессия). Иначе говоря, связанные со стрессом свойства личности создают личностную основу для регуляции поведения, направленного на столкновение с Другим. Такая ситуация создает потенциальный риск направления агрессии и враждебности по отношению к представителям стигматизированных и менее статусных групп.

В исследованиях проявлений дискриминационных установок в отношении представителей конкретных групп отмечается, что они могут быть обусловлены страхом [15], испытываемым стрессом, вовсе необязательно связанным с деятельностью или какими-либо связями с представителями аутгрупп [18]. Эти и другие данные, свидетельствующие о связи эмоциональных переживаний и дискриминационных установок [6; 17; 21], позволяют предположить, что повседневный стресс тоже может в той или иной степени способствовать либо актуализации, либо поддержке дискриминационных установок. Поскольку повседневный стресс не связан с какими-либо конкретными группами, он может стать пусковым для актуализации восприятия инаковости и его сила может быть связана с общей и недифференцированной дискриминационной установкой. Поэтому **цель данного исследования** — анализ повседневных стрессоров и аффектов как предикторов общей дискриминационной установки.

Мы предполагаем, что стрессоры и негативные аффекты являются наиболее сильными предикторами эмоционального и поведенческого компонентов дискриминационных установок.

Методика

В исследовании приняли участие 700 человек, в том числе мужчин — 322 (46%), женщин — 376 (54%) в возрасте 18–50 лет, средний возраст: $M=22,43$, $SD=8,23$. Для оценки компонентов дискриминационной установки (когнитивного, эмоционального и поведенческого) была использована разработанная ранее методика (Шамионов, Абуталипова, 2024), включающая 16 вопросов, распределенных по трем шкалам. Психометрические показатели методики удовлетворительны. Альфа когнитивный=0,90; альфа эмоциональный=0,89; альфа поведенческий=0,91. Для оценки выраженности повседневных стрессоров использована методика «Опросник повседневных стрессоров» (М.Д. Петраш, О.Ю. Стрижицкая, Л.А. Головей, С.С. Савеньшева) [10]. Методика позволяет оценить выраженность 10 стрессоров и включает 55 пунктов, оценка которых осуществляется испытуемым по 10-балльной шкале. Пункт, характеризующий отсутствие стрессора, не отмечается. Для оценки положительного и отрицательного аффекта использовался русскийязычный аналог методики PANAS, разработанный Е.Н. Осиным (2012) [9]. Методика состоит из 20 пунктов-прилагательных, каждый из которых оценивается от 1 до 5 баллов по силе эмоции.

Для математической обработки данных была использована программа SPSS Statistics 26 и AMOS. Проведены замеры общих статистик, корреляционный и регрессионный анализ, моделирование путей.

Результаты исследования

Корреляционный анализ позволил выявить многочисленные прямые взаимосвязи компонентов дискриминационных установок, стрессоров и негативных аффектов.

Из результатов корреляционного анализа (табл. 1) следует перспективность последующего регрессионного анализа с введением в качестве зависимых переменных компонентов дискриминационной установки и независимых переменных — повседневных стрессоров.

Таблица 1

**Корреляционный анализ компонентов дискриминационной установки
и повседневных стрессоров и аффектов**

Параметры установок, стрессоров и аффективных состояний	М	SD	ДУ эмоц.	ДУ когнит.	ДУ поведенч.
ДУ эмоциональный	2,93	1,42	1	0,311**	0,752**
ДУ когнитивный	4,64	1,86	0,311**	1	0,299**
ДУ поведенческий	2,84	1,27	0,752**	0,299**	1
С Работа	49,92	16,08	0,279**	0,199**	0,254**
С Взаимоотношения	44,29	15,68	0,346**	0,225**	0,320**
С Нарушение Планов	24,79	9,08	0,280**	0,196**	0,271**
С Финансы	31,52	11,22	0,238**	0,200**	0,217**
С Планирование	28,83	10,04	0,374**	0,213**	0,337**
С Семья	30,10	10,70	0,257**	0,170**	0,262**
С Действительность	24,02	8,85	0,326**	0,206**	0,313**
С Одиночество	25,13	8,60	0,315**	0,203**	0,281**
С Общее самочувствие	26,28	8,56	0,277**	0,189**	0,261**
С Конкуренция	25,30	8,58	0,277**	0,202**	0,243**
А увлеченный	3,37	1,12	-0,066	-0,006	-0,048
А Подавленный	2,42	1,31	0,180**	0,065	0,218**
А Радостный	3,49	1,09	-0,008	0,037	0,002
А Расстроенный	2,37	1,26	0,222**	0,081*	0,258**
А Полный сил	3,21	1,23	-0,024	0,049	0,007
А Виноватый	1,83	1,18	0,275**	0,117**	0,294**
А Испуганный	1,84	1,17	0,277**	0,089*	0,291**
А Злой	2,26	1,28	0,277**	0,179**	0,263**
А Заинтересованный	3,56	1,14	0,009	-0,004	0,006
А Уверенный	3,61	1,16	0,02	0,044	0,001
А Раздраженный	2,52	1,35	0,258**	,145**	0,259**
А Сосредоточенный	3,42	1,09	-0,085*	0,002	-0,046
А Стыдящийся	1,85	1,21	0,216**	0,092*	0,272**
А Вдохновленный	3,28	1,24	-0,062	-0,004	-0,034
А Нервный	2,63	1,39	0,257**	0,097*	0,235**
А Решительный	3,57	1,13	-0,007	0,059	-0,006
А Внимательный	3,52	1,13	-0,03	0,008	-0,027
А Беспокойный	2,59	1,36	0,253**	0,076*	0,261**
А Бодрый	3,17	1,29	0,001	0,071	-0,004
А Тревожный	2,36	1,35	0,226**	0,037	0,235**

Примечание. Приняты следующие сокращения и обозначения: М — средние; SD — стандартные отклонения; ДУ — дискриминационная установка; С — стрессор; А — аффективное состояние; «**» — $p < 0,01$; «*» — $p < 0,05$.

Из табл. 2 видно, что самое большое количество предикторов — у эмоционального компонента дискриминационных установок: три положительных и три отрицательных. Положительными предикторами являются стрессоры взаимоотношений, необходимость планирования дел и расходов и ожидание неприятностей в повседневной жизни. Отрицательные предикторы — неожиданное нарушение планов, материальные затруднения и стрессоры в семье.

Поведенческий компонент детерминируется стрессорами взаимоотношений, необходимостью планирования; отрицательным предиктором являются стрессоры в финансовой сфере.

Когнитивный компонент имеет один положительный предиктор — стрессоры взаимоотношений.

Таблица 2

Повседневные стрессоры как предикторы компонентов дискриминационной установки (положительная шкала: 1— нет, 10 — захватывающее переживание)

Стрессоры	Нестандарт. коэфф.		Стандарт. коэфф.	t	Знч.
	В	Стд. ошибка	Бета		
<i>ДУ эмоциональный</i>					
(Константа)	1,46	0,16		8,89	0
С Взаимоотношения	0,02	0,01	0,25	3,46	<0,01
С Нарушение планов	-0,02	0,01	-0,13	-1,90	<0,05
С Финансы	-0,02	0,01	-0,14	-2,38	<0,02
С Планирование	0,05	0,01	0,38	5,53	<0,01
С Семья	-0,02	0,01	-0,15	-2,46	<0,01
С Действительность	0,02	0,01	0,14	2,10	<0,04
$R^2=0,17; F=23,26; p<0,01$					
<i>ДУ поведенческий</i>					
(Константа)	1,55	0,15		10,15	0
С Взаимоотношения	0,02	0,01	0,21	3,19	<0,01
С Финансы	-0,02	0,01	-0,14	-2,35	<0,0
С Планирование	0,04	0,01	0,28	4,46	<0,01
$R^2=0,13 F=33,11; p<0,01$					
<i>ДУ когнитивный</i>					
(Константа)	3,45	0,21		16,78	<0,01
С Взаимоотношения	0,03	0,01	0,23	6,10	<0,01
$R^2=0,05; F=32,24; p<0,01$					

Из табл. 3 видно, что самое большое количество «эмоциональных» предикторов — у эмоционального и поведенческого компонентов дискриминационной установки (соответственно 15% и 14% дисперсии). Все положительные предикторы относятся к негативным аффектам и лишь один отрицательный предиктор — к позитивному («сосредоточенный»). Всего 4% дисперсии когнитивного компонента объясняется аффективными состояниями «злой» и «бодрый».

Таблица 3

Регрессионный анализ эмоциональных состояний (аффекта)

Эмоциональные состояния	Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты	t	Знач.
	B	Стд. ошибка	Бета		
<i>Эмоциональный компонент</i>					
(Константа)	1,411	0,258		5,468	0
А злой	0,176	0,047	0,159	3,772	<0,01
А виноватый	0,134	0,055	0,112	2,444	<0,02
А испуганный	0,155	0,057	0,128	2,72	<0,01
А уверенный	0,232	0,053	0,189	4,394	<0,01
12. сосредоточенный	-0,157	0,054	-0,119	-2,896	<0,01
18. беспокойный	0,105	0,048	0,10	2,202	<0,03
$R^2=0,15; F=19,69; p<0,01$					
<i>Когнитивный компонент</i>					
(Константа)	3,53	0,235		15,045	<0,01
А злой	0,283	0,055	0,195	5,127	<0,01
А бодрый	0,142	0,055	0,098	2,572	<0,01
$R^2=0,04; F=15,34; p<0,01$					
<i>Поведенческий компонент</i>					
(Константа)	1,36	0,207		6,566	0
А виноватый	0,152	0,049	0,143	3,138	<0,01
А злой	0,088	0,046	0,089	1,924	<0,05
А испуганный	0,157	0,05	0,146	3,122	<0,01
А уверенный	0,116	0,041	0,107	2,818	<0,01
А раздраженный	0,113	0,044	0,121	2,567	<0,01
$R^2=0,14; F=21,69; p<0,01$					

Как видно из рисунка, стрессор взаимоотношений совместно с аффектом «злой» объясняют часть вариаций всех трех компонентов дискриминационной установки и совместно с аффектом «испуганный» — эмоционального и поведенческого компонентов установки (от 7 до 18%). Аффекты «злой» и «испуганный» выступают медиаторами прямой причинной связи стрессора и компонентов установки.

Обсуждение результатов

В результате корреляционного анализа установлено, что выраженность дискриминационных установок личности взаимосвязана с разнообразными стрессорами и социальной фрустрацией положительными связями, что свидетельствует о сопряженности данных явлений. Повседневные стрессоры, независимо от того, в какой сфере активности личности они проявляются, провоцируют напряженность личности и, соответственно, желание ограничить социальные контакты через ограничение активности окружающих людей. Сопряженность этих параметров свидетельствует о значительной эмоциональной заряженности дискриминационных установок.

Эмоциональный компонент дискриминационных установок находится под влиянием шести стрессоров, три из которых усиливают дискриминационные установки, три — снижают. Усиливают эмоциональный компонент дискриминационных установок, т. е. усиливают

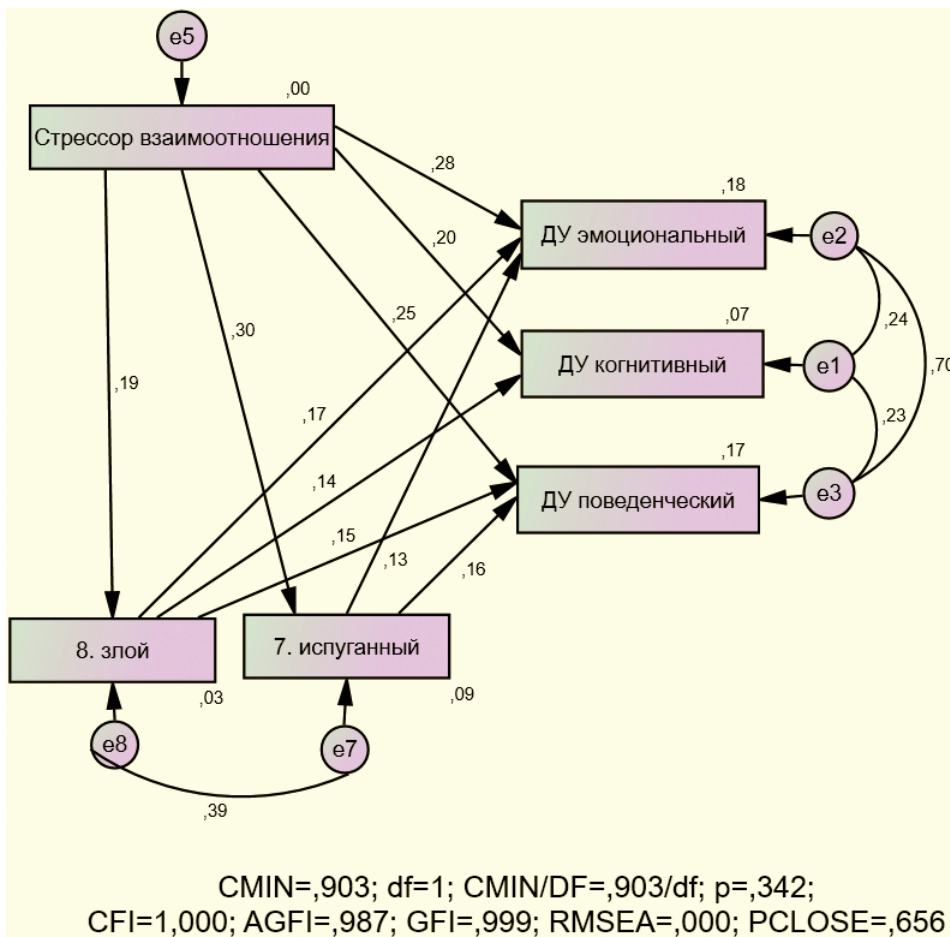

Рис. Модель путей для стрессоров и аффектов к дискриминационной установке

отрицательный эмоциональный отклик на окружающих, социальная конфронтация, напряженные или конфликтные взаимоотношения, необходимость ежедневного планирования дел и расходов, оформления каких-либо документов, ожидание неприятностей в повседневной жизни. Возможно, перечисленные стрессоры провоцируют переориентацию человека с внешнего мира на собственные проблемы и нахождение путей их решения, а окружающие люди воспринимаются как препятствующие этому процессу. Поэтому их активность раздражает и ориентирует на ее ограничение.

Отрицательными предикторами эмоционального компонента дискриминационных установок являются стрессоры нарушения планов, материальных затруднений, негативные переживания относительно взаимоотношений с родственниками, детьми, родителями. Неожиданное нарушение планов и наличие материальных затруднений, а также внимание к неблагополучию внутрисемейных взаимоотношений снижают эмоциональный компонент дискриминационных установок, возможно, за счет переориентации человека с широких социальных контактов на решение конкретных повседневных проблем.

Поведенческий компонент дискриминационных установок усиливается стрессорами взаимоотношений и необходимостью ежедневного планирования и ослабляется наличием

материальных затруднений. Напряженные взаимоотношения с окружающими и озабоченность планированием своих дел обуславливают желание делать замечание окружающим, жаловаться в инстанции с требованием ограничить их в правах, принимать участие в ситуациях общественного порицания лиц, нарушающих социальные нормы и правила и т.п. Возможно, планирование своей жизни позволяет человеку чувствовать себя организованным и имеющим право на участие в организации активности других людей, а напряженные или конфликтные взаимоотношения с окружающими снижают порог толерантности и эмоциональной устойчивости. Финансовые затруднение, очевидно, являются той проблемой, которая отвлекает от активного участия в проблемах окружающего мира и заставляет человека погружаться в решение своих собственных проблем.

Когнитивный компонент дискриминационных установок детерминирован только одним стрессором. Неблагоприятные взаимоотношения с окружающими способствуют формированию представлений о неправильном поведении других людей, о несоответствии их поведения тому, что ожидается.

В целом, можно сделать вывод о том, что стрессоры взаимоотношений с другими людьми обуславливают все компоненты дискриминационных установок, что подчеркивает социальный характер дискриминационных установок и социально-психологическую основу их формирования. Данные стрессоры указывают на конфликтный характер взаимодействия, который, видимо, провоцирует усиление дискриминационной установки. Эти данные согласуются с результатами исследований, проведенных ранее, где выведены признаки стремления к конфликтам [8]. С другой стороны, дискриминационные установки — это операциональные установки [1], и они связаны с решением задач отношений с Другим/ Другими как представителями определенных социальных сообществ. Поэтому актуализация в жизни человека стрессора конфликтных взаимоотношений может провоцировать ее.

Данная тенденция прослеживается и в результатах регрессионного анализа позитивных и негативных аффектов как предикторов компонентов дискриминационной установки. Негативная эмоциональная реакция на активность других людей усиливается при актуализации негативных аффектов: «злой», «виноватый», «испуганный», «уверенный», «беспокойный», а «сосредоточенный», — снижает ее. Очевидно, переживаемые (негативные) аффективные состояния способствуют распространению раздражения на различные сферы социальных взаимодействий с представителями аутгрупп. Переживание злости и бодрости одновременно вносит вклад в усиление когнитивного компонента, выраженного в представлениях о возможностях и границах дискриминации, а также о дискриминируемых группах. Наконец, негативные аффекты «виноватый», «злой», «испуганный», «раздраженный» и позитивный аффект «уверенный» объясняют вариации поведенческого компонента дискриминационной установки. Со всей очевидностью на передний план выступает детерминация компонентов дискриминационной установки негативными аффектами. Это значит, что неудачи в жизни и деятельности, в отношениях, испытываемые субъектом, отражаются на разных сторонах его дискриминационной установки в отношении представителей аутгрупп. Эти результаты свидетельствуют в пользу того, что и стрессоры и аффекты, в зависимости от сферы их действия, могут способствовать усилению дискриминационной установки и препятствовать ей. Следовательно, в них же содержится потенциал снижения установки.

На наш взгляд, социальные стрессоры, свидетельствующие о противоречиях во взаимоотношениях с Другими в различных ситуациях, вызывают определенные аффекты, что в совокупности создает основу для актуализации дискриминационной установки. Косвенно об этом

свидетельствуют и данные недавно проведенного исследования [16], в котором в ряду прочего установлено, что стрессоры предсказывают негативные эмоции, а не наоборот. Поэтому для проверки данной гипотезы мы провели процедуру структурного моделирования.

В результате моделирования путей удалось доказать гипотезу о прямой причинной связи стрессора взаимоотношений и опосредованной, через аффекты «злой» и «испуганный», и компонентов дискриминационной установки. Примечательным является здесь тот факт, что стрессор выступает прямым предиктором аффекта «испуганный» и менее сильным предиктором компонентов дискриминационной установки. Соответственно, аффект «испуганный» является медиатором прямой причинной связи стрессора и эмоционального и поведенческого компонентов дискриминационной установки. Аффект «злой» играет ту же роль, но применительно ко всем компонентам дискриминационной установки. Вместе с тем, рассматривая результаты в целом, можно обнаружить, что эффекты стрессоров и связанных с ними аффектов относительно невелики. Например, ценности объясняют до 27% вариаций дискриминационной установки, выявленной на основании прямой оценки испытываемой неприязни к представителям различных аутгрупп [14].

Ограничения исследования. Ожидание влияния повседневных стрессоров и негативных аффектов на проявления дискриминационных установок и поведение, как способ их преодоления, очевидно, является несколько завышенным. Результаты исследований демонстрируют относительно слабый эффект. Поэтому необходимы исследования, направленные на введение переменной локуса ответственности. Очевидно, эффект стрессоров на дискриминационные установки и поведение зависит от типа личности и ее склонности приписывать ответственность внешним обстоятельствам.

Заключение

Предположение о том, что собственные проблемы субъекта, стрессы, негативные аффекты являются важными факторами его дискриминационного поведения в отношении других людей в данном исследовании находят свое подтверждение. Однако «объемы» этого эффекта относительно невелики. Тем не менее регуляторами актуализации дискриминационной установки выступают собственные стрессоры субъекта и его негативные аффекты, связанные с ними. В результате проведенных исследований можно сделать ряд выводов.

1. Дискриминационные установки личности обусловлены многообразными стрессорами в таких сферах, как работа, взаимоотношения, организация и планирование повседневной жизни, финансов, семьи, а также отрицательными и редкими положительными аффектами. Стабильно сильным предиктором выраженности компонентов дискриминационной установки являются стрессоры в области взаимоотношений с другими людьми.

2. Выраженность эмоционального компонента дискриминационных установок усиливается стрессорами взаимоотношений, планирования повседневной жизни и ожиданием неприятностей, снижается за счет переориентации человека с широких социальных контактов на решение собственных повседневных проблем. Поведенческий компонент дискриминационных установок усиливается стрессорами взаимоотношений и необходимостью ежедневного планирования, нивелируется наличием материальных затруднений. Напряженные или конфликтные взаимоотношения с окружающими способствуют формированию представлений о неправильном поведении других людей, о несоответствии их поведения ожидаемому, и, наоборот, такого рода представления способствуют неблагоприятным взаимодействиям с окружающими.

3. Переживание негативных аффектов «злой», «виноватый», «испуганный», «беспокойный», позитивный аффект «уверенный» усиливает, но в то же время позитивный аффект «сосредоточенный» снижает негативную эмоциональную реакцию на активность других людей. Негативные аффекты «виноватый», «злой», «испуганный», «раздраженный» и позитивный «уверенный» способствуют усилению когнитивного компонента дискриминационных установок. В целом, позитивный аффект «уверенный» и негативные аффекты «злой», «испуганный», «виноватый» являются предиктором компонентов установки чаще остальных аффектов.

4. Прямой и опосредованный (через аффекты) эффект стрессора «взаимоотношения» на компоненты дискриминационной установки относительно слаб и составляет не более 18% дисперсии переменных.

Литература

1. Асмолов А.Г., Ковальчук М.А. О соотношении понятия установки в общей и социальной психологии // Теоретические и методологические проблемы социальной психологии. М.: Изд-во Моск. унта, 1977. С. 143–163.
2. Бабаква Л.В. Повседневный стресс и неприятности в период старения [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2017. Том 6. № 3. С. 6–12. DOI:10.17759/jmfp.2017060301
3. Вассерман Л.И., Иовлев Б.В., Березин М.А. Методика для психологической диагностики уровня социальной фрустрированности и ее практическое применение: метод. рекомендации. Л.: НИПНИ им. Бехтерева, 2004.
4. Головей Л.А., Петраш М.Д., Стрижицкая О.Ю., Савеньшева С.С., Муртазина И.Р. Роль психологического благополучия и удовлетворенности жизнью в восприятии повседневных стрессоров // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Том 26. № 4. С. 8–26. DOI:10.17759/spp.2018260402
5. Григорьев Д.С. Модель содержания стереотипов и этнические стереотипы в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Том 23. № 2. С. 215–244. DOI:10.31119/jssa.2020.23.2.9
6. Григорьева М.В. Аффективные факторы проявления дискриминационных установок личности в поведении // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 11(79). С. 51–56. DOI:10.24158/spp.2020.11.9
7. Лабунская В.А. Виды дискриминации и ситуации актуализации дискриминационных практик // Этнолукизм: эмпирическая модель и методы исследования. Ростов-н/Д: Мини Тайп, 2018. 258 с.
8. Лепехин Н.Н., Круглов В.Г., Круглова М.А., Тихомирова Н.В., Яшина М.А. Диспозиционные предикторы конфликтоустойчивости студентов // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 1. С. 92–110. DOI:10.17759/sps.202314010
9. Осин Е.Н. Измерение позитивных и негативных эмоций: разработка русскоязычного аналога методики PANAS // Психология. Журнал ВШЭ. 2012. Том 9. № 4. С. 91–110.
10. Петраш М.Д., Стрижицкая О.Ю., Головей Л.А., Савеньшева С.С. Опросник повседневных стрессоров // Психологические исследования. 2018. Том 11. № 57. С. 5. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 26.01.2024).
11. Прохоров А.О., Валуцкая М.Е., Габдреева Г.Ш., Гарифуллина М.М., Менделевич В.Д. Психология состояний. М.: Когито-центр, 2011. 624 с.
12. Трухан Т.В., Кружкова О.В. Городской стресс как предиктор девиантного поведения студенческой молодежи: опыт работы с метафорами // Образовательные ресурсы и технологии. 2022. № 4(41). С. 92–100.
13. Харламенкова Н.Е. Психология личности: от методологии к научному факту. М.: Ин-т психологии РАН, 2023. 403 с.
14. Шамионов Р.М. Детерминанты дискриминационных установок по внешним признакам и проявлениям // Экспериментальная психология. 2020. Том 13. № 4. С. 163–179. DOI:10.17759/exprsy.2020130412

15. Cook C.L., Li Y.J., Newell S.M., Cottrell C.A., Neel R. The world is a scary place: Individual differences in belief in a dangerous world predict specific intergroup prejudices // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2018. Vol. 21(4). P. 584–596. DOI:10.1177/1368430216670024
16. Deckard F.M., Messamore A., Goosby B.J., Cheadle J.E. A Network Approach to Assessing the Relationship between Discrimination and Daily Emotion Dynamics // *Social Psychology Quarterly*. 2023. Vol. 86(3). P. 334–356. DOI:10.1177/01902725221123577
17. Fiske S.T. Stereotype Content: Warmth and Competence Endure // *Current directions in psychological science*. 2018. Vol. 27(2). P. 67–73.
18. Fuller-Rowell T.E., Nichols O.I., El-Sheikh M., Burrow A.L., Ong A.D., Ryff C.D. The pandemic and social experience: For whom did discrimination and social isolation increase? // *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*. 2024. Vol. 30(1). P. 107–117. DOI:10.1037/cdp0000561
19. Haller J., Bakos N. Stress-induced social avoidance: A new model of stress-induced anxiety // *Physiol. Behav.* 2002. Vol. 77. P. 327–332.
20. Ong A.D., Fuller-Rowell T., Burrow A.L. Racial Discrimination and the Stress Process // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009. Vol. 96. № 6. P. 1259–1271.
21. Pascal E., Holman A.C., Milut F.M. Emotional relevance and prejudice: testing the differentiated effect of incidental disgust on prejudice towards ethnic minorities // *Front Psychol*. 2023. Vol. 14. P. 1177263. DOI:10.3389/fpsyg.2023.1177263
22. Raposa E.B., Lawes H.B., Ansell E.B. Prosocial Behavior Mitigates the Negative Effects of Stress in Everyday Life // *Clinical Psychological Science*. 2016. Vol. 4(4). P. 691–698. DOI:10.1177/2167702615611073
23. Sandi C., Haller J. Stress and the social brain: behavioural effects and neurobiological mechanisms // *Nat Rev Neurosci*. 2015. Vol. 16. P. 290–304. DOI:10.1038/nrn3918
24. Sawyer P., Major B., Casad B., Townsend S., Mendes W. Discrimination and the Stress Response: Psychological and Physiological Consequences of Anticipating Prejudice in Interethnic Interactions // *American journal of public health*. 2012. Vol. 102. P. 1020–1026. DOI:10.2105/AJPH.2011.300620
25. Stephan Y., Grzywacz J.G., Robinson E., Daly M., Terracciano A. Perceived weight discrimination, changes in health, and daily stressors // *Obesity*. 2016. Vol. 24(10). P. 2202–2209. DOI:10.1002/oby.21598

References

1. Asmolov A.G., Kovalchuk M.A. O sootnoshenii ponyatiya ustanovki v obshej i socialnoj psihologii [On the correlation of the concept of attitude in general and social psychology]. *Teoreticheskie i metodologicheskie problem socialnoj psihologii [Theoretical and methodological problems of social psychology]*. Moscow: Izdatelstvo Mosk. unta, 1977. P. 143–163. (In Russ.).
2. Babakova L.V. Povsednevnyj stress i nepriyatnosti v period stareniya [Everyday stress and troubles during aging]. *Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya [Modern foreign psychology]*, 2017. Vol. 6, no. 3, pp. 6–12. DOI:10.17759/jmfp.2017060301 (In Russ.).
3. Vasserman L.I., Iovlev B.V., Berebin M.A. Metodika dlya psihologicheskoy diagnostiki urovnya socialnoj frustirovannosti i ego prakticheskoe primenenie [Methodology for the psychological diagnosis of the level of social frustration and its practical application.]. Metodicheskie rekomendacii [Methodological recommendations]. L.: NIPNI im. Behtereva, 2004. (In Russ.).
4. Golovej L.A., Petrash M.D., Strizhickaya O.Yu., Savenysheva S.S., Murtazina I.R. Rol psihologicheskogo blagopoluchiya i udovletvorennosti zhiznyu v vospriyatii povsednevnyh stressorov [The role of psychological well-being and life satisfaction in the perception of everyday stressors]. *Konsultativnaya psihologiya i psihoterapiya [Consultative psychology and psychotherapy]*, 2018. Vol. 26, no. 4, pp. 8–26. DOI:10.17759/cpp.2018260402 (In Russ.).
5. Grigoryev D.S. Model' soderzhaniya stereotipov i etnicheskiye stereotipy v Rossii [The Stereotype Content Model and Ethnic Stereotypes in Russia]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii [The Journal of Sociology and Social Anthropology]*, 2020. Vol. 23(2). P. 215–244. DOI:10.31119/jssa.2020.23.2.9 (In Russ.).
6. Grigoreva M.V. Affektivnye factory proyavleniya diskriminacionnyh ustanovok lichnosti v povedenii [Affective factors of manifestation of discriminatory attitudes of personality in behavior]. *Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika [Society: sociology, psychology, pedagogy]*, 2020. Vol. 11(79), pp. 51–56. DOI:10.24158/spp.2020.11.9 (In Russ.).

7. Labunskaya V.A. Vidy diskriminacii i situacii aktualizacii diskriminacionnyh praktik [Types of discrimination and situations of actualization of discriminatory practices]. *Etnolukizm: empiricheskaya model i metody issledovaniya* [Ethnolucism: an empirical model and research methods]. Rostov-on-Don: Mini Type Publishing House, 2018. 258 p. (In Russ.).
8. Lepehin N.N., Kruglov V.G., Kruglova M.A., Tihomirova N.V., Yashina M.A. Dispozicionnye prediktory konfliktoustojchivosti studentov [Dispositional predictors of students' conflict tolerance]. *Socialnaya psihologiya i obshestvo* [Social psychology and society], 2023. Vol. 14, no. 1, pp. 92–110. DOI:10.17759/sps.202314010 (In Russ.).
9. Osin E.N. Izmerenie pozitivnyh i negativnyh emocij: razrabotka russkoyazychnogo analoga metodiki PANAS [Measuring positive and negative emotions: the development of a Russian-language analogue of the PANAS methodology]. *Psihologiya. Zhurnal VShE* [Psychology. HSE Journal], 2012. Vol. 9, no. 4, pp. 91–110. (In Russ.).
10. Petrash M.D., Strizhickaya O.Yu., Golovej L.A., Savenysheva S.S. Oprosnik povsednevnyh stressorov [Questionnaire of everyday stressors]. *Psihologicheskie issledovaniya* [Psychological research], 2018. Vol. 11, no. 57, pp. 5. URL: <http://psystudy.ru> (Accessed 26.01.2024). (In Russ.).
11. Prokhorov A.O., Valiullina M.E., Gabdreeva G.Sh., Garifullina M.M., Mendelevich V.D. Psihologiya sostoyanij [Psychology of states]. Moscow: Publishing house “Kogito-center”, 2011. 624 p. (In Russ.).
12. Truhan T.V., Kruzhkova O.V. Gorodskoj stress kak predictor deviantnogo povedeniya studencheskoj molodezhi: opyttraboty s metaforami [Urban stress as a predictor of deviant behavior of student youth: experience working with metaphors s]. *Obrazovatelnye resursy i tehnologii* [Educational resources and technologie], 2022. No. 4(41), pp. 92–100. (In Russ.).
13. Harlamenkova N.E. Psihologiya lichnosti: ot metodologii k nauchnomu faktu. M.: In-t Psihologii RAN, 2023. 403 p. (In Russ.).
14. Shamiyonov R.M. Determinanty diskriminacionnyh ustanovok po vneshnim priznakam i proyavleniyam [Determinants of discriminatory attitudes based on external signs and manifestations]. *Eksperimentalnaya psihologiya* [Experimental psychology], 2020. Vol. 13, no. 4, pp. 163–179. DOI:10.17759/exppsy.2020130412 (In Russ.).
15. Cook C.L., Li Y.J., Newell S.M., Cottrell C.A., Neel R. The world is a scary place: Individual differences in belief in a dangerous world predict specific intergroup prejudices. *Group Processes & Intergroup Relations*, 2018. Vol. 21(4), pp. 584–596. DOI:10.1177/1368430216670024
16. Deckard F.M., Messamore A., Goosby B.J., Cheadle J.E. A Network Approach to Assessing the Relationship between Discrimination and Daily Emotion Dynamics. *Social Psychology Quarterly*, 2023. Vol. 86(3), pp. 334–356. DOI:10.1177/01902725221123577
17. Fiske S.T. Stereotype Content: Warmth and Competence Endure. *Current directions in psychological science*, 2018. Vol. 27(2), pp. 67–73.
18. Fuller-Rowell T.E., Nichols O.I., El-Sheikh M., Burrow A.L., Ong A.D., Ryff C.D. The pandemic and social experience: For whom did discrimination and social isolation increase? *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*, 2024. Vol. 30(1), pp. 107–117. DOI:10.1037/cdp0000561
19. Haller J., Bakos N. Stress-induced social avoidance: A new model of stress-induced anxiety. *Physiol. Behav.*, 2002. Vol. 77, pp. 327–332.
20. Ong A.D., Fuller-Rowell T., Burrow A.L. Racial Discrimination and the Stress Process. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2009. Vol. 96, no. 6, pp. 1259–1271.
21. Pascal E., Holman A.C., Miluț F.M. Emotional relevance and prejudice: testing the differentiated effect of incidental disgust on prejudice towards ethnic minorities. *Front Psychol*, 2023. Vol. 14, pp. 1177263. DOI:10.3389/fpsyg.2023.1177263
22. Raposa E.B., Laws H.B., Ansell E.B. Prosocial Behavior Mitigates the Negative Effects of Stress in Everyday Life. *Clinical Psychological Science*, 2016. Vol. 4(4), pp. 691–698. DOI:10.1177/2167702615611073
23. Sandi C., Haller J. Stress and the social brain: behavioural effects and neurobiological mechanisms. *Nat Rev Neurosci*, 2015. Vol. 16, pp. 290–304. DOI:10.1038/nrn3918
24. Sawyer P., Major B., Casad B., Townsend S., Mendes W. Discrimination and the Stress Response: Psychological and Physiological Consequences of Anticipating Prejudice in Interethnic Interactions. *American journal of public health*, 2012. Vol. 102, pp. 1020–1026. DOI:10.2105/AJPH.2011.300620

25. Stephan Y., Grzywacz J.G., Robinson E., Daly M., Terracciano A. Perceived weight discrimination, changes in health, and daily stressors. *Obesity*, 2016. Vol. 24(10), pp. 2202–2209. DOI:10.1002/oby.21598

Информация об авторах

Шамионов Рашль Муирович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии образования и развития, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (ФГБОУ ВО СГУ), г. Саратов, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8358-597X>, e-mail: shamionov@mail.ru

Абуталипова Венера Камилевна, младший научный сотрудник кафедры Социальной психологии образования и развития, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (ФГБОУ ВО СГУ), г. Саратов, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-2023-3324>, e-mail: ganeevav@yahoo.com

Григорьева Марина Владимировна, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогической психологии и психодиагностики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (ФГБОУ ВО СГУ), г. Саратов, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2541-2186>, e-mail: grigoryevamv@mail.ru

Information about the authors

Rail M. Shamionov, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Social Psychology of Education and Development, Saratov State University, Saratov, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8358-597X>, e-mail: shamionov@mail.ru

Venera K. Abutalipova, Jr. Researcher, Department of Social Psychology of Education and Development, Saratov State University, Saratov, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-2023-3324>, e-mail: ganeevav@yahoo.com

Marina V. Grigoryeva, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Educational Psychology and Psychodiagnostics, Saratov State University, Saratov, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2541-2186>, e-mail: grigoryevamv@mail.ru

Получена 17.03.2024

Received 17.03.2024

Принята в печать 01.12.2024

Accepted 01.12.2024